

Ирина Ивановна Чумак-Жунь

*доктор филологических наук, профессор,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(г. Белгород, Россия), e-mail chumak@bsu.edu.ru*

Метатекст как вариант целостной интерпретации поэтического текста¹

В статье на примере двух вариантов интерпретации поэтического текста описана специфика научного метатекста.

Ключевые слова: метатекст, интерпретация, поэзия, лингвистический анализ, литературоведческий анализ.

Irina Ivanovna Chumak-Zhun

*Doctor of Philology, Professor,
Belgorod State National Research University,
(Belgorod, Russia), e-mail: chumak@bsu.edu.ru*

The metatext as variant of holistic interpretation of the poetic text

In the article on the example of two variants of the interpretation of the poetic text is determined the specific of the scientific metatext .

Keywords : metatext , interpretation , poetry , linguistic analysis , literary criticism.

Специфика поэтической коммуникации обусловлена особенностями экспрессивно-эстетического сообщения, которому свойственны как предельная отвлечённость от конкретно-предметного мира, так и личностный характер, то есть наличие в семантическом пространстве имплицитно или эксплицитно выраженных эмотивно-аксиологических интенций адресанта. Поэтому читатель, как правило, воспринимает лирический текст как нечто, лично к нему относящееся. Этим же обуславливаются особенности лирической коммуникации в целом, в частности потребность в многократном перечитывании текста и запоминании назидательности.

При первичном восприятии поэтического текста каналы коммуникации могут быть различными – чтение, восприятие на слух, одновременное чтение и восприятие на слух. В любом случае для первого чтения поэтического текста характерна «рефлексия в снятом виде», рефлексия, при которой понимание актуально переживается как нечто, «возникающее сразу» [2, с. 79], непосредственно. Только после этого следует второй этап декодирования поэтического текста, который состоит в «дискурсивно (опосредствованно, логически, понятийно) представленной рефлексии» [2, с. 79], т. е. в интерпретации эстетического объекта реципиентом. При многократном перечитывании поэтических текстов у реципиента нередко возникает необходимость в расширении «дискурсивной базы». В подобном случае он пополняет свои знания, обращаясь к метатекстам, кото-

рые содержат целостную интерпретацию текста. Модель коммуникативного акта, которая включает шесть компонентов (коммуникатор, контекст, сообщение, контакт, код и реципиент) в подобном случае изменяется. В ходе восприятия поэтического текста возникает посредник коммуникации – автор метатекста, который выполняет несколько коммуникативных функций. Это 1) интерпретатор; 2) коммуникатор, осуществляющий связь между автором с читателем; 3) носитель когнитивной базы, сообщающий читателю необходимые ему дискурсивные сведения.

Коммуникативный посредник – тоже читатель, который зафиксировал результаты своей дискурсивной рефлексии, то есть создал новый текст (метатекст) – один из вариантов целостной законченной интерпретации. Читательское переживание и исследовательский анализ – это два принципиально различных вида деятельности. Читатель воспринимает все стороны произведения в их дискурсивно-когнитивном единстве. Именно на такое отношение читателя рассчитывает и автор. Однако «целостность произведения не может быть передана в исследовании при помощи той непосредственной нерасчлененности, которая остается и преимуществом, и недостатком читательского восприятия. Наука идет к её постижению через предварительный анализ и последующий синтез» [4, с. 134].

Создавая интерпретирующий текст, исследователь расшифровывает стоящие за текстом дискурсивные элементы, как собственно линг-

¹ Исследование выполнено в рамках Государственного задания НИУ БелГУ на 2015 г. (код проекта № 241).

вистические, так и экстралингвистические, причем в центре исследования могут оказаться любые составляющие текста как коммуникативного действия – автор, действительность, язык произведения. Образцом такой дешифровки является научный анализ поэтического текста, в котором важную роль играют те задачи, которые ставит перед собой конкретный исследователь.

В качестве иллюстрации подобного анализа сравним два исследования поэтического текста – работы Л. В. Щербы «Опыты лингвистического толкования стихотворений» [6, с. 26–44] и Е. А. Маймина «Философская поэзия Пушкина и Любомудров: (К различию художественных методов)» [5, с. 98–117], в которых они анализируют один и тот же пушкинский шедевр, – стихотворение «Воспоминание». Эти работы дают представление обо всех элементах названного текста как коммуникативного действия – об авторе и адресате, о действительности, о языке произведения, об особенностях контакта между поэтом и получателем, но представлены эти компоненты в исследованиях по-разному. Названные работы можно считать образцом разнополюсных (лингвистического и литературоведческого) подходов к анализу стихотворения. Различие подходов и определяет расстановку акцентов, хотя оба ученых приводят в своей работе канонический текст пушкинского «Воспоминания».

Л. В. Щерба уже в названии подчеркивает безусловную и намеренную «лингвистичность» своего толкования, и в центре его исследования находится язык (код) стихотворения. Анализируя текст, ученый основное внимание уделяет рассмотрению лингвистических единиц разных уровней. Е. А. Маймин с позиций литературоведа определяет особенности художественного метода, который использует А. С. Пушкин в своем поэтическом творчестве, и его исследование, напротив, сопровождается лишь небольшим лингвистическим комментарием, называющим «выразительные приметы» языка, который «должен выразить не просто мысль, а мысль философскую, обобщенную».

В исследовании Е. А. Маймина центральное место занимает описание действительности (историко-литературно-культурной среды), на фоне которой было создано поэтическое произведение. Стихотворение анализируется в контексте пушкинской философской лирики и философской лирики исследуемой эпохи в целом (*проследить различия на сходном* – так определяет Е. А. Маймин свои намерения). Л. В. Щерба демонстративно отказывается от исторических комментариев, но пишет в примечаниях: «Не хотелось бы также, чтобы кто-ни-

будь подумал, будто я выступаю против историзма в литературе: я не представляю себе возможным полного объяснения текста вне исторической перспективы», подчеркивая, что его работа – исключение, которое, в общем-то, подтверждает правило. Л. В. Щерба занимает внутреннюю (по отношению к тексту) зрительскую позицию (позицию наблюдателя, принадлежащую самому изображаемому миру), а Е. А. Маймин – внешнюю, т. е. позицию зрителя, находящегося вне изображаемой действительности.

В соответствии с этими исследовательскими позициями автор также представлен в работах по-разному. Л. В. Щерба, пытаясь восстановить и расшифровать те интенции, которые вкладывал А. С. Пушкин в свое произведение, изображает автора-деятеля (активную языковую личность) в момент процесса создания стихотворения. Для работы Л. В. Щербы характерна следующая модель описания процесса: автор-деятель (А. С. Пушкин) → конкретная текстовая операция → результат (*Пушкин выносит определительное слово перед определяемым словом, чем и достигает единства представления и фразы...*). Следует заметить, что иногда результат описывается ученым в терминах эстетических (передается «настроение» пушкинского текста). Ср.: *...ритмизирование этой строфы по четырехстрочным куплетам <...> разрушило бы все очарование интимного душевного настроения, рисуемого Пушкиным. Такое ритмизирование гораздо более подошло бы во второй строфе, но очевидно и там казалось Пушкину чересчур грубым и меланхоличным.* Следует заметить, что подобный «психолингвистический подход» не всегда получал однозначную оценку. Так, Г. О. Винокур писал по поводу этой работы Л. В. Щербы: «Замечания по ритму в статье явно бледны и недостаточны: к тому же, замечания эти базируются на основаниях столь шатких, как «очарование интимного душевного настроения, рисуемого Пушкиным» [3, с. 203]. В работе Е. А. Маймина поэт – носитель идиостиля, особенностями которого и обусловлены концептуально-содержательные свойства текста. В критическом исследовании активно используется модель описания: Автор (идиостиль) – текст. Ср.: *У Пушкина ночь является, она у него явление, а не понятие <...> У Пушкина всегда образ побеждает понятие.*

Своеобразие канала связи (контакта) в художественной речи заключается в том, что это контакт опосредованный и дистантный. И Щерба, и Маймин оговаривают коммуникативные помехи, которые вызваны разрывом коммуникантов во времени, (Щерба – языковые особен-

ности стихотворения, Маймин – литературные факты рассматриваемой эпохи). При этом Л. В. Щерба не пытается устранить коммуникативный «дискомфорт», возникший по ходу чтения стихотворения (в частности, не толкует значение незнакомых читателю слов), а объясняет его несовпадением хронотопа коммуникантов. Употребление сочетания *стогны града* объясняется тем, что *...для Пушкина это были все-таки в значительной мере живые слова, и во всяком случае он их чувствовал иначе, чем мы*. Подобным же образом он объясняет употребление слова *бденья* вместо *бдения*. Е. А. Маймин в своей работе объясняет использование этих слов стилистическими целями.

Своеобразие научного анализа текста заключается в том, что ученый, с одной стороны, выступает как адресат, а с другой стороны, как «второй субъект» (Бахтин), воспроизводящий чужой текст и создающий обрамляющий текст.

В описании акта коммуникации Л. В. Щерба выступает как читатель-исследователь, не только пытающийся разгадать ход мысли субъекта (Пушкина) при создании текста, но и доказать читателю верность своих предположений. Разворачивается диалоговое взаимодействие: А. С. Пушкин – Я (Л. В. Щерба – читатель-лингвист) и читатель-нелингвист. В работе чрезвычайно высока роль интроспекции и ярко представлена языковая личность исследователя-филолога. Это сомневающийся тип, что подтверждают многочисленные слова, имеющие модальную окраску неуверенности (*вероятно, очевидно, как мне кажется, полагаю, по-видимому, может быть, мне представляется*). Вся работа проникнута духом исследовательского поиска. Л. В. Щерба последовательно описывает когнитивные процессы, которые происходят в его сознании при чтении стихотворения, в частности, связанные с толкованием содержания слов (слова *томительный, тоска, дума*), причем сами комментарии даются в форме предположения: *Почему самый глагол томить представляется, по крайней мере для меня, таким выразительным, мне неясно*. Он отделяет читателя-исследователя

(себя) от читателя-неисследователя, предполагая, что последний не во всем может соглашаться с его точкой зрения. Е. А. Маймин употребляет обобщенно-научное *мы*, объединяя себя (или ставя в один ряд) с читателем.

Объектом описания в работе Л. В. Щербы является язык (код) текста, который толкуется в пределах горизонтальной линии коммуникативной цепи: автор → текст → контакт → адресат и включает подробное описание когнитивных процессов получателя. В исследовании Е. А. Маймина звенья контакт → адресат прорисованы схематично, формально, на передний план выступает действительность, в которой творит автор. Эта действительность включает литературную и «культурную» обстановку описываемого времени, межтекстовые связи стихотворения, экстралингвистические факторы. Представлены два неповторимых события текста, в каждом из которых описывается встреча двух сознаний: автора и получателя, при этом один и тот же поэтический текст оказывается перед читателем в различной дискурсивной проекции. Именно в результате подобного диалогического взаимодействия и рождаются поэтические смыслы.

Итак, в названных работах представлена универсальная форма коммуникации (поэтический текст) и варианты его интерпретаций. Исследование текста в данном случае – диалог автора текста и исследователя, «диалог особого вида: сложное взаимоотношение текста (предмет изучения и обдумывания) и создаваемого обрамляющего контекста (вопрошающего, возражающего и т. п.), в котором реализуется познающая и оценивающая мысль ученого. Это встреча двух текстов – готового и создаваемого реагирующего текста, следовательно, встреча двух субъектов, двух авторов» [1, с. 285].

Эти и подобные тексты-интерпретации создают метатекстуальный фон классического стихотворения, при обращении к которому читатели обогащаются новыми знаниями о неоднократно прочитанном поэтическом тексте.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 444 с.
2. Богин Г. И. Филологическая герменевтика. Калинин: КГУ, 1982. 70 с.
3. Винокур Г. О. Рецензия: сб. ст. / под ред. Л. В. Щербы. Петроград, 1923. С. 296.
4. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996.
5. Маймин Е. А. Философская поэзия Пушкина и Любомудров (К различию художественных методов) // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1969. Т.6. Реализм Пушкина и литература его времени. С. 98–117.
6. Щерба Л. В. Опыты лингвистического толкования стихотворений: «Воспоминание» Пушкина // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 26–44.